

И. В. Побережников

МОДЕРНИЗАЦИИ В ИСТОРИИ РОССИИ: НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

УДК 930.2(2)

ББК 63.01(2)

В статье проанализированы различные теоретические проблемы в изучении модернизации России. Автор доказывает продуктивность модернизационного подхода к исследованию российской истории, поскольку он позволяет интерпретировать процессы в страновом масштабе, а большинство современных теоретико-методологических подходов, возникших в результате антропологического поворота, сфокусировано на локальном, микроисторическом, уровне. Функциональность модернизационного подхода также обусловлена его ориентированностью на изучение реальных, вполне фиксируемых макропроцессов, включаемых в модернизационный контекст (индустриализации, урбанизации, профессионализации и т. д.). Автор выделяет, во-первых, оптимистические и пессимистические концепции российской модернизации в зависимости от того, как оценивается степень сходства/различия российского и западного (в данном случае выступающего в качестве эталона) маршрутов модернизации; во-вторых, цивилизационные интерпретации модернизации, в которых акцент делается на национальное своеобразие развития страны; в-третьих, акторные концепции, в которых рассматриваются движущие силы модернизации; в-четвертых, регион-ориентированные интерпретации, в которых внимание концентрируется на пространственных особенностях исторической динамики модернизации внутри страны, обусловленных природно-географическими параметрами, степенью освоенности территории, характером взаимоотношений центра и регионов страны. Подчеркнута перспективность акторного подхода, позволяющего рассматривать формирование нового, «модерного», институционального порядка как итог взаимодействия и противоборства вариативных и разнонаправленных интересов — индивидуальных, групповых, корпоративных, ведомственных и т. д., вследствие чего можно получить гораздо более реалистичную и историчную картину модернизационного процесса.

Ключевые слова: *модернизация, неомодернизм, Российская империя, СССР, концепция, историография, интерпретация, цивилизация, регион, актор, фронтир, пространство*

В исторических исследованиях, особенно в макроуровневых, широко применяются концептуальные модели, позволяющие агрегировать большие массивы данных и конструировать более или менее точные имитации исследуемых масштабных объектов и процессов, акцентируя в них наиболее значимые взаимосвязи и взаимодействия и тем самым содействуя общему пониманию проблем.

Важным направлением макроисторических исследований является изучение социальных перемен в рамках модернизационной парадигмы. Модернизация в широком смысле слова, как движение от «традиционности» к «современности», трактуется исследователями как протяженный, охватывающий несколько столетий всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий, который, в свою очередь, может быть представлен как совокупность

подпроцессов: структурной и функциональной дифференциации общества, индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, социальной и политической мобилизации, демократизации, становления современных ценностно-мотивационных механизмов, образовательной и коммуникативной революций и т. д.

Теория модернизации: закат или... ?

В последние два-три десятилетия теория модернизации превратилась в одну из наиболее востребованных познавательных перспектив в среде отечественных гуманитаров. Она широко применяется при анализе общественных процессов, в том числе и прошлого, социологами, экономистами, демографами, политологами, философами, культурологами, этнологами и др. Довольно популярна она и среди разных отраслевых отрядов историков: специалистов по всеобщей истории, по истории России, востоковедов, латиноамериканистов, африканистов и др., — которые используют

Побережников Игорь Васильевич — д.и.н., заведующий сектором методологии и историографии, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: pober1871@mail.ru

модернизационный подход, анализируя преимущественно эпохи раннего Нового, Нового и Новейшего времени.¹

Однако среди части историков сохраняется настороженное, скептическое или даже негативное отношение к теории модернизации. Вообще, это нормальная ситуация, поскольку ни одна теория сегодня не может претендовать на монополию в познавательной области. Очевидно, возможны разные подходы к изучению прошлого, и они, естественно, требуют применения разных теоретико-методологических инструментов. Тем не менее, некоторые аргументы оппонентов модернизационной теории заслуживают внимания.

Мы не имеем в виду тех, кто в целом негативно относится к теоретизированию и методологическому обоснованию своего исследования, ссылаясь на пользу позитивистского подхода, но в реальности отсылая скорее к уровню антикварианской традиции XVII в. С нашей точки зрения, только теоретическое исследование (т. е. базирующееся на теориях и выверенных методах) может претендовать на научность. При этом теория не должна задавать априори конечных результатов исследования, она должна лишь ориентировать исследователя, указывать направление поиска (быть своеобразным навигатором).

Другая часть скептиков вспоминает «глубокие корни» теории модернизации, классическая версия которой действительно была сформулирована довольно давно, еще в конце 1950-х — 1960-е гг., и подвергалась в свое время интенсивной критике, а также неоднократно «хоронилась» («депендентисты», И. Валлерстайн, К. Калхун, Г. М. Дерлугьян, Э. Аллард и др.).

При этом, однако, эти историки стараются не замечать возрождения модернизационных исследований во второй половине 1980-х и в 1990-е гг., которое иногда называют «триум-

фальным» и определяют как неомодернизационную версию. Неомодернизм возник как ответ на нарастание сложности реальных модернизационных процессов, на совершенствование теоретического оснащения гуманитарных наук в целом.² Создав в результате своего рода теоретического синтеза классических моделей с деятельностным подходом неомодернизационный анализ, ученые (Э. Тириалян, П. Штомпка, В. Цаф, К. Мюллер, Г. Тёрборн, Р. Робертсон, Ш. Эйзенштадт и др.) дистанцировались от эволюционистского телеологизма классической теории модернизации, фокусируя внимание не на анонимных законах эволюции, а на роли социальных акторов (коллективов и индивидов); они признавали возможность различного поведения социальных групп в условиях модернизации, включили в теоретическую модель фактор исторической случайности и представление о (векторно-)циклической природе самого процесса модернизации. Возникший в итоге новый подход — неомодернизационный — характеризовался гораздо большим историзмом и «эластичностью» по отношению к изучаемой реальности. Границы неомодернизма при этом не слишком определены: с нашей точки зрения, с этим научным феноменом сопрягаются и переплетаются глубокие прозрения по поводу модерности/современности выдающихся мыслителей нашего времени — Э. Гидденса, У. Бека, З. Баумана, С. Лэша и др. (концепции «позднего» и «радикального» модерна, «общества риска», «рефлексивной модернизации», «текучего модерна» и др.).³

В русле неомодернизационного анализа следует рассматривать и концепцию «множественных модернов», которая разрабатывалась в конце 1980-х — 2000-е гг. классиком модернизационной парадигмы Ш. Эйзенштадтом.⁴

¹ Напр., см.: Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005; Модернизация России и Европа: сб. материалов. Ростов н/Д., 2005. Т. 1–3; Модернизационные парадигмы в экономической истории России: материалы Всерос. науч. конф., г. Саранск, 20–21 июня 2007 г. Саранск, 2007; Проблема модернизации России в XIX–XX вв., теоретико-методологический подход, исследовательский опыт // Экономическая история. 2007. № 5. С. 3–23; Российская модернизация: размышляя о самобытности. М., 2008; Виноградов А. В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М., 2008; Бобровников А. В., Теперман В. А., Шереметьев И. К. Латиноамериканский опыт модернизации: итоги экономических реформ первого поколения. М., 2009; Япония: опыт модернизации. М., 2011; Россия реформирующаяся: ежегодник. М., 2013. Вып. 12; История России: теоретические подходы. М., 2013. Вып. 2; Африка: пути модернизации экономики. М., 2014; Цивилизации. М., 2015. Вып. 10; и др.

² См.: Алексеев В. В., Побережников И. В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Урал. ист. вестн. 2000. № 5/6. С. 8–49; Побережников И. В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 217–246; Он же. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. С. 68–114.

³ См. обстоятельные обзоры эволюции современных теорий модерна и модернизации: Йоас Х., Кнёбл В. Социальная теория: 20 вводных лекций. СПб., 2011. С. 442–487, 661–711; Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культуросоциология. М., 2013. С. 505–600; Масловский М. В. Современные теории модерна и модернизации // Социол. журн. 2008. № 2. С. 31–44.

⁴ См.: Reflections on Multiple Modernities. European, Chinese and Other Interpretations. Boston, 2002; Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис. 2007. № 2 (10). С. 212–226.

Он попытался в новых условиях подвергнуть критике традиционные теории модернизации, рассматривавшие западный («атлантический») проект модерна в качестве эталона, который якобы неизбежно должен был восторжествовать во всех странах, с опозданием включившихся в мировой модернизационный процесс. По мнению Ш. Эйзенштадта, множественные процессы глобализации в современном мире по существу представляют собой последовательные попытки различных движений и элит в своих терминах переосмыслить, по-своему освоить модерн, переформулировать его дискурс. Причем такие попытки, подчеркивает Ш. Эйзенштадт, имели место и в более ранний период, в эпоху становления классических наций-государств, когда также существовали разные типы интерпретации модерна, например по линии дифференциации типов коллективной идентичности или по степени аутентичности власти. Рост интереса к модернизационной проблематике отразился и на изучении истории российских модернизаций, особенно советского периода.⁵

Распространенное явление — критика действительно устаревшей классической версии теории модернизации 1950–1960-х гг., выдаваемой за современный подход. В этом случае внимание акцентируется на упрощенном телеологическом подходе, на прямолинейности, односторонности. Именно такие соображения были высказаны известным критиком теории модернизации Ю. П. Бокаревым, в частности, на круглом столе «Проблемы модернизации России в XIX–XX вв.: теоретико-методологические подходы, исследовательский опыт», организованном в рамках заседания Научного совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории в Звенигороде 9–11 февраля 2007 г.⁶ «Именно многофакторность, нелинейность, национальные особенности исторического развития не учитывает теория модернизации», — пишет Ю. П. Бокарев.⁷

⁵ См.: *Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia*. London, 2004; Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Социол. журн. 2011. № 1. С. 10–35; Arnason J. *The Future that Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model*. London, 1993; Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995; Коткин С. Сталинизм как цивилизация // Урал. ист. вестн. 2011. № 1 (30). С. 77–81; David-Fox M. *Multiple Modernities versus Neo-Traditionalism* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2006. Vol. 55, № 4. P. 535–555; *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. Pittsburgh, 2015; Споря о модерности // Новое лит. обозрение. 2016. № 4. С. 16–91.

⁶ См.: Проблема модернизации России в XIX–XX вв... С. 8–11.

⁷ Там же. С. 10.

Современная обновленная теория модернизации, достижения которой мы пропагандировали среди историков с конца 1990-х гг., как раз признает многофакторность, многолинейность, страновые особенности исторического процесса, значение культуры и традиций. Необходимо, правда, признать, что определенные основания подобная критика имеет, поскольку многие современные последователи теории модернизации нередко представляют процесс модернизации именно на уровне классической модели пятидесятилетней давности.

Современные попытки обновления модернизационной парадигмы Ю. П. Бокарев оценивает также критически, полагая, что они дают не очень четкий, неопределенный, противоречивый, эклектический подход (в частности, автор имеет в виду предложенную мной фигурационную модель, которая учитывает действие как внутренних, так и внешних факторов, роль институционального наследия, диффузии, а также значение действующих сил — акторов модернизации).⁸ В этой связи можно сказать, что, во-первых, создание новых подходов за счет теоретического синтеза, своеобразной гибридизации, конвергенции — вполне испытанный и в то же время современный способ развития науки (результаты в этом случае всегда менее определены и однозначны в сравнении с исходными познавательными инструментами); во-вторых, вряд ли от гуманитарных теорий следует требовать чрезмерной четкости и жесткости (слишком сложна и многовариантна та реальность, с которой мы имеем дело; в этой связи абсолютную однозначность гуманитарной теории и методологии можно расценивать скорее как признак ее слабости); в-третьих, истинно гуманитарные поиски сути историзма всегда отличались определенной гибкостью и многозначностью, начиная с Дж. Вико, Й. Г. Гердера, В. Дильтея, М. Вебера и др.; в-четвертых, доминирующие сегодня в исторической науке теоретико-методологические подходы (преимущественно культуральные) отличаются гораздо меньшей определенностью и высокой адаптивностью к изучаемому материалу (по сравнению с этими подходами даже современная модернизационная версия может служить образцом сциентистской четкости),

⁸ Там же. С. 11. Также см.: Бокарев Ю. П. Теории модернизации и экономические реформы // *Экономические реформы: уроки истории*. М., 2013. С. 42, 43. (История мировой экономики, вып. 2).

тем не менее, получаемые результаты никого не разочаровывают.

Теоретические интерпретации модернизации

Попытаемся классифицировать возможные концептуальные интерпретации российских модернизаций исходя из предположения о том, что в основе дифференциации данных моделей лежат различные теоретические подходы к самой модернизации, разные трактовки процесса модернизации.

Можно выделить несколько теоретических интерпретаций модернизации, которые по-разному определяют сущность и степень вариативности данного процесса. Согласно первому подходу (его можно определить как *эволюционистский*), получившему широкое распространение в классических трудах представителей модернизационной парадигмы, акцент делается на эволюционный и прогрессивный характер модернизации, что предполагает всеобщее стадийное движение от примитивных форм социального бытия к более сложным, совершенным в соответствии с универсальными закономерностями преимущественно эндогенного характера. Образно говоря, речь идет об одном движущемся эскалаторе, только различные общества, двигаясь вверх, стоят на разных ступенях.

Такой подход создает предпосылки для сравнения различных вариантов перехода от традиционности к современности, для выявления общего и особенного в данных процессах. Страновая модель развития в рамках данного подхода оценивается главным образом с точки зрения соответствия некоторому эталону, который обыкновенно воплощается в схеме «трансатлантической модернизации» (т. е. модернизации стран Западной Европы и Северной Америки). Диапазон оценок в таком случае располагается между нормальной модернизацией и различными отклонениями от эталонного варианта, представляющими тупиковые и имитационные ветви «псевдомодернизации».

Правда, принимая Запад за образец модернизации, мы сталкиваемся с другой проблемой: этот Запад, которому на самом деле не соответствует ни одна из европейских стран, в действительности сам оказывается мифическим и идеализированным. В реальности модернизационные процессы в различных странах Западной Европы и Северной Америки протекали по-разному в разное время: они

отличались скоростями, ролью государства, механизмами. Таким образом, закономерно возникает вопрос: с каким именно «западом» проводится сравнение?

Сторонники второго подхода принципиально стоят на позициях исторического плюрализма, несводимости пространственного многообразия к какому-либо магистральному направлению, настаивая на многовекторности и своеобразии модернизаций, протекавших в различных культурно-цивилизационных контекстах и опиравшихся, соответственно, на различные социокультурные традиции (данный подход можно определить как *плюралистический*). Действительно, исторические и современные успехи целого ряда регионов «незападной цивилизации» (Китай, Тайвань, Япония, Южная Корея, Сингапур и т. д.) свидетельствуют в пользу такого более широкого понимания модернизационного подхода, который должен быть чувствительным к историческому опыту стран не только Западной Европы и Северной Америки, но и других частей света.

Между тем включение цивилизационно-культурного измерения позволяет выходить за рамки эволюционистской теоретической конструкции и рассматривать модернизационные модели как результат воздействия матричных цивилизационных структур на ход и характер развития. К слабым сторонам данного подхода относится недостаточная чувствительность к динамическим компонентам, к «эстафетности» истории. Отчасти данный недостаток можно устранить путем внесения в модель возможности взаимодействий между странами и цивилизационными мирами (в таком случае уже не самодостаточными и не изолированными друг от друга, а взаимовлияющими и претерпевающими модификации).⁹ В рамках подобного подхода межстрановая и межцивилизационная конкуренция становится динамическим измерением модели, позволяющим оценивать и степень успешности/неуспешности того или иного модернизационного проекта.

Третий теоретический подход связан с изучением модернизации как противоборства различных социальных классов (его можно определить как *акторный*). Между тем в рамках классической модернизационной парадигмы исследователи редко обращались

⁹ См.: Побережников И. В. Диффузия, цивилизация, модернизация: теоретические аспекты // Диффузия европейских инноваций в Российской империи: материалы Всерос. науч. конф., 10–11 ноября 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 26–28.

к анализу движущих социальных сил модернизации, влияния социальных коалиций или, наоборот, их противостояния на ход и характер модернизации. К числу немногих исключений можно отнести фундаментальный труд Б. Мура (1967).¹⁰

Четвертый теоретический подход фокусирует исследование на субстрановом (региональном) уровне,¹¹ что обусловлено значимостью пространственных измерений модернизации, территориальной неоднородностью модернизационных процессов, вариативностью «поведения» территориальных единиц в контексте модернизации (данный подход можно определить как *регионалистский* или *регион-ориентированный*).

Естественно, данный перечень теоретических подходов к модернизации не является закрытым: возможно выделение и иных интерпретаций. Рассмотрим концептуальные модели, которые конструируются в рамках указанных теоретических трактовок применительно к истории российских модернизаций.

Оптимистические и пессимистические концепции российской модернизации

В рамках эволюционистского подхода выделяются две концептуальные модели — оптимистическая и пессимистическая. Оптимистическая нашла наиболее яркое воплощение в трудах Б. Н. Миронова,¹² трактующего историю России как повторение, но своеобразное, истории Запада, т. е. как движение в том же направлении, в котором шли Западная Европа и Северная Америка, только с некоторым опозданием. Данная концепция получила развитие в новой фундаментальной трехтомной монографии Б. Н. Миронова.¹³

Автор полагает, что эталонная модель модернизации была предложена западной ци-

вилизацией (Западной Европой и Северной Америкой). Россия, по мнению Б. Н. Миронова, вследствие «европейского происхождения» основ «российской государственности, быта и менталитета», качественного сходства западных и русских национальных традиций и ценностей, была включена в мировой модернизационный процесс и «в социальном, культурном, экономическом и политическом отношениях, в принципе, изменялась в тех же направлениях, что и другие европейские страны». В целом, Б. Н. Миронов оценивает российский путь модернизации как вполне благополучный и эффективный. Это нормальный исторический маршрут, который, правда, отличается некоторым своеобразием, поскольку Россия с опозданием вступила в процесс модернизации, иными словами, страна «живет в другом часовом поясе» по сравнению со странами Запада. Данные, которые автор приводит, подтверждают тяжесть бремени модернизации для населения (особенно в XVIII в.) и в то же время ее оправданность и историческую перспективность.

Однако в рамках эволюционистского подхода возможно и другое видение страновой истории, как субоптимальной. Подобная вероятность распространяется на российскую историю, которая нередко трактуется как своеобразная, кардинально отличная от западной модели развития, как контр- или псевдомодернизация, «околомодернизация», т. е. как альтернативный путь развития по незападному образцу, предполагающий выборочное заимствование технических и организационных достижений более развитых стран, одновременное ужесточение добуржуазных, архаических методов эксплуатации трудящихся, прогрессирующую централизацию и бюрократизацию системы управления (А. С. Ахиезер, В. Г. Хорос, В. А. Красильщиков, Т. Пиирайнен и др.).¹⁴ Псевдомодернизация, как полагают сторонники данной концепции применительно к российской истории, приводила к обратным результатам: увеличению бремени бюрократического аппарата, понижению уровня жизни

¹⁰ Мур-мл. Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М., 2016.

¹¹ См.: Побережников И. В. Модернизация: факторы и проявления пространственно-региональной вариации // Роль и значение региональной истории в современной российской и польской историографии: материалы рос.-пол. науч. семинара, г. Екатеринбург, 20 октября 2008 г. Екатеринбург, 2010. С. 82–101.

¹² См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1–2; Он же. Россия и Запад в XVIII — начале XX в.: социологические образы и историческая реальность // Нестор: журн. истории и культуры России и Восточной Европы. СПб., 2007. № 11. С. 25–48.

¹³ Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2014. Т. 1; 2015. Т. 2, 3.

¹⁴ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1997. Т. 1; Хорос В. Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996; Он же. В поисках ключа к прошлому и будущему (размышления в связи с книгой А. С. Ахиезера) // Вопр. философии. 1993. № 5. С. 99–111; Модернизация: Зарубежный опыт и Россия / В. А. Красильщиков [и др.]. М., 1994; Piirainen T. Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures and Everyday Life. Helsinki, 1997. P. 12–15.

большинства населения, усилению «неумеренных» черт российского общества.

Необходимо отметить, что обе интерпретации существуют в рамках модернизационного подхода, применяют принципиально родственную терминологию. С нашей точки зрения, концепция Б. Н. Миронова выглядит более убедительно, нежели различные версии российской псевдомодернизации. Но в данном контексте можно указать на непредзаданность результатов анализа в рамках модернизационного подхода, который позволяет проводить эмпирические исследования, указывая лишь направление поиска.

Между прочим, возможность различных, даже полярно противоположных, интерпретаций истории России в контексте модернизационного подхода порой становится поводом критических замечаний, упреков в несостоятельности самого подхода, видимо, не способного, с точки зрения оппонентов, обеспечить стандартных и согласованных конечных результатов.¹⁵ Подобные замечания вызывают удивление. Наука жива дискуссиями, конкуренцией подходов, объяснительных схем, оценок. Можно вспомнить, например, дискуссии советского времени об «азиатском способе производства», о природе черносочного землевладения, о генезисе капитализма или абсолютизма, в ходе которых даже в рамках догматического формационного подхода предлагались весьма разнящиеся интерпретации. На самом деле мы имеем дело с обычной в научной практике ситуацией: результат является следствием теоретико-эмпирического исследования, он не запрограммирован теорией, не содержится в ней априори (было бы гораздо более удивительно, если бы все сторонники модернизационного подхода предлагали тождественные интерпретации).

Цивилизационные концепции российской модернизации

В рамках плюралистического подхода модернизация рассматривается в национально-цивилизационном контексте, как производная социокультурных факторов. Цивилизационный подход фокусирует внимание исследователя на комплексе достаточно медленно меняющихся параметров, характеризующих социокультурное и цивилизационное ядро обще-

ственной системы. В рамках данного подхода исследователь делает акцент на инерции истории, на континуитете исторического прошлого и настоящего, на выделении некоего ядра, в слабой степени подверженного изменениям, которое и характеризует культурную и даже цивилизационную специфику России.

Так, академик В. В. Алексеев выделяет следующие фундаментальные особенности разных сторон жизнедеятельности населения, сформировавшиеся в ходе развития российской цивилизации, своего рода цивилизационные коды: гигантская территория, важное геостратегическое положение между Востоком и Западом; трудные условия воспроизводства основ человеческого существования; незащищенность естественными рубежами от посягательств извне; продолжительное отсутствие выхода к морю; самобытность, оригинальность культуры и традиций; общность исторической судьбы, полиэтничность и многоконфессиональность народов, их толерантность; православная вера как консолидирующая основа цивилизации; своеобразие форм государственного, социального, городского устройства; общинность, идеи социальной справедливости, нестяжательства, миссионеризма; экономический, культурный и мировоззренческий экспансионизм; мобилизационный тип развития.¹⁶

Цивилизационные «инварианты», несомненно, оказывали воздействие на ход исторического процесса, однако они не могли ограждать Россию от «вируса» развития. Несомненно, однако, и то, что под их влиянием само развитие приобретало очень своеобразный национальный облик. В рамках данного подхода страна, которая осуществляет модернизацию специфическим, отличным от предшественников образом (цивилизационно-своеобразное развитие), рассматривается как нормальное явление.

Акторные концепции российской модернизации

Подход, ориентирующий на изучение движущих сил модернизации, позволяет рассматривать сам модернизационный переход как реальный исторический процесс, результирующий противоборство различных социальных и политических групп, столкновение

¹⁵ См.: Бокарев Ю. П. О «модернизационной парадигме»... С. 9, 10.

¹⁶ См.: Алексеев В. В. Российская цивилизация (признаки, этапы развития, итоги и уроки) // Урал. ист. вестн. 2010. № 3 (28). С. 6–10.

мнений и стратегий, полный драматизма, героических рывков вперед и катастрофических отступлений.

Подобный подход представлен, например, в коллективной монографии «Модели общественного переустройства России. XX век», вышедшей под редакцией В. В. Шелохаева.¹⁷ В монографии, подготовленной видными учеными-историками, осуществлен комплексный анализ содержания, направленности и механизмов реализации основных моделей общественного переустройства России в контексте модернизационного процесса в пореформенный период (консервативная, либеральная, народническая и анархистская, социал-демократическая модели).

Акцент на противостоянии различных общественных проектов в контексте российской модернизации второй половины XIX — начала XX в. делает в одной из своих публикаций известный специалист по проблемам российских модернизаций А. С. Сенявский.¹⁸ Он справедливо отмечает, что ключевые проблемы России начала XX в. уходят корнями, как минимум, в середину XIX в., когда решался вопрос о путях трансформации России из страны аграрной, сельской в современную, индустриальную, городскую. По мнению автора, уже тогда в обществе сформировалось четыре социальных проекта, опиравшихся на различные социальные силы: 1) патриархально-консервативный проект, реакционный по сути, смыслом которого было ничего не менять (выражал интересы консервативного дворянства, стремившегося максимально долго оттягивать отмену крепостного права); 2) революционно-демократический, народнический проект (продвигал в радикальной форме идею «черного передела» помещичьей земли между крестьянами); 3) либеральный (нацеленный на формирование основ гражданского общества, на усиление общественной самоорганизации) и 4) имперский. Последние два проекта, по мнению А. С. Сенявского, конкурировали и взаимно дополняли друг друга, но, по сути дела, реализовался именно имперский проект модернизации,

опиравшийся на самодержавие и бюрократию, который предполагал сильный контроль власти над обществом, энергичное государственное вмешательство в экономику с доминированием в ее решающих отраслях — железнодорожном строительстве, тяжелой индустрии и др.

С моей точки зрения, акторный подход перспективен, открывает новые горизонты при изучении российских модернизаций, позволяет рассматривать формирование нового «модерного» институционального порядка как итог взаимодействия и противоборства вариативных и разнонаправленных интересов: индивидуальных, групповых, корпоративных, ведомственных и т. д. В итоге мы получаем гораздо более реалистичную картину модернизационного процесса — не заданную заранее телеологическую конструкцию, а образ модернизирующегося общества, вклад в развитие которого вносится каждым носителем того или иного интереса.

Концепция фронтальной модернизации

Регионалистский подход к пониманию модернизации требует внимания к региональному разнообразию на внутринациональном уровне. Применительно к российской истории пространственное измерение действительно заслуживает особого отношения. Исторически получилось так, что, по меньшей мере, на протяжении XVIII — начала XIX в. российская модернизация осуществлялась в условиях продолжавшегося расширения территории страны, присоединения новых земель и их освоения. Данная особенность странового развития не была уникальной, характерной только для России: она проявлялась также в истории таких стран, как США, Канада, Австралия, Новая Зеландия. Нам представляется, что модернизацию в условиях незавершенного освоения земель можно квалифицировать как фронтальную.

Для России как для страны фронтальной модернизации был характерен ряд особенностей.¹⁹ Стране был присущ освоенческий синдром, который выражался в подвижности населения, в растянутости колонизационных процессов. Потребность в дополнительной рабочей силе, необходимой для разработки избыточных ресурсов фронтальных зон, способствовала росту миграционной активности и, соответственно,

¹⁷ Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004.

¹⁸ См.: Сенявский А. С. Российский исторический процесс во второй половине XIX–XX вв.: проблемы концептуального осмысления // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 20-летию ИИиА УрО РАН. Екатеринбург, 2008. С. 594–602.

¹⁹ См.: Побережников И. В. Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся: ежегодник. М., 2013. Вып. 12. С. 246–274.

создавала проблему адаптации. Очевидно, что в контексте фронтальной модернизации транспортному фактору принадлежит повышенная роль: железные дороги, как и в США и Канаде в XIX в., ускорили развитие Урала, Сибири и Дальнего Востока, стимулировали рост промышленности, городов в восточных регионах страны. Необходимость обеспечения условий для стабильного развития в ситуации «пограничья» и порой враждебного «соседства» приводила к милитаризации регионов освоения. Маркером фронтальной модернизации выступала разновекторная диффузия: на естественные в условиях освоения новых территорий процессы традиционной диффузии модернизация накладывала трансфер технологий, социальных институтов, культурных ценностей западного, преимущественно западноевропейского, происхождения. Пространственный фактор оказывал существенное воздействие на внутренний строй страны, на ее территориальную морфологию. Условия присоединения и освоения новых территорий влияли на дальнейший ход модернизации.

Модернизационный подход, с нашей точки зрения, продуктивен при изучении истории России, поскольку он позволяет интерпретировать процессы в страновом масштабе, в то время как большинство современных теоре-

тико-методологических подходов, возникших в результате антропологического поворота, сфокусировано на локальном, микроисторическом, уровне. Функционален модернизационный подход и вследствие того, что он ориентируется на изучение реальных, вполне фиксируемых, макропроцессов, включаемых в модернизационный контекст (индустриализация, урбанизация, профессионализация и т. д.). Модернизационный подход создает предпосылки для формулирования существенно отличных концептуальных интерпретаций истории российских модернизаций, результатом применения которых становятся дифференцированные историографические образы страны: 1) страна, развивающаяся нормально или девиантно — по универсальным законам; 2) своеобразный цивилизационно-страновой вариант модернизации как норма; 3) модернизация как результат противостояния, борьбы различных социальных групп, проектов, стратегий; 4) страна как совокупность региональных вариантов модернизации. При этом надо иметь в виду, что в рамках уже проведенных модернизационных исследований доминировал интерес к обновлению, к проектам и программам; восприятию же и усвоению населением результатов модернизации уделялось меньше внимания. Этой теме должно быть отведено большее место в будущих исследованиях.

Igor V. Poberezhnikov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: pober1871@mail.ru

**MODERNIZATION IN THE HISTORY OF RUSSIA:
TRENDS AND INVESTIGATION PROBLEMS**

The article offers an analysis of various theoretical problems and approaches towards the study of modernization in Russia. The author has demonstrated the efficiency of modernization approach to the Russian historical studies since it made possible a nation-wide interpretation of the processes, while the majority of modern theoretical and methodological approaches brought about by the anthropological culture shift focused on a purely local, micro-historical level. The functionality of the modernization approach is also enhanced by its orientation towards the study of the real, easily recorded macro-processes integrated into the modernization context (industrialization, urbanization, professionalization, etc.) According to the author it is possible to identify, first, the optimistic and the pessimistic concepts in the Russian modernization depending on the relative similarity/difference between the Russian and the Western (in this case used as a reference model) modernization routes; second, the civilizational interpretations of modernization with the main emphasis on the national specifics of a particular country's development; third, the actor concepts focusing on the driving forces of modernization; and fourth, the region-oriented interpretations where the researcher's attention is concentrated on the spatial specifics of the historical modernization dynamics inside a country driven by its natural and geographic parameters, the intensity of the territory development, the nature of relationships between the center and the regions of the country. The author emphasized the high potential of the actor approach where the formation of a new

modernistic institutional order is viewed as a result of interactions and conflicts between the varied and multidirectional interests — including the individual, the group, the corporate, the departmental ones, etc. as a result of which a much more realistic and historical picture of modernization process may be obtained.

Keywords: *modernization, neo-modernism, Russian Empire, USSR, concept, historiography, interpretation, civilization, region, actor, frontier, space*

REFERENCES

- Afrika: puti modernizatsii ekonomiki* [Africa: ways to modernize the economy]. Moscow: Institut Afriki RAN Publ., 2014, 272 p. (in Russ.).
- Akhiezer A. S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta* [Russia: criticism of historical experience]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ., 1997, vol. 1, 805 p. (in Russ.).
- Alekseev V. V. [Russian civilization (attributes, development stages, outcomes and lessons)]. *Ural'skij istoricheski vestnik* [Ural Historical Journal], 2010, no. 3 (28), pp. 6–10. (in Russ.).
- Alekseev V. V., Poberezhnikov I. V. [Modernization school: evolution of theoretical foundations]. *Ural'skij istoricheski vestnik* [Ural Historical Journal], 2000, no. 5/6, pp. 8–49. (in Russ.).
- Alexander J. C. *Smysly sotsialnoy zhizni: kultura sotsiologii* [Senses of social life: cultural sociology]. Moscow: Praxis Publ., 2013, 630 p. (in Russ.).
- Arnason J. [Communism and modernity]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological journal], 2011, no. 1, pp. 10–35. (in Russ.).
- Arnason J. *The Future that Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model*. London: Routledge, 1993, 239 p. (in English).
- Bobrovnikov A. V., Teperman V. A., Sheremetev I. K. *Latinoamerikanskiy opyt modernizatsii: itogi ekonomicheskikh reform pervogo pokoleniya* [The Latin American experience of modernization: the results of the economic reforms of the first generation]. Moscow: ILA RAN Publ., 2009, 282 p. (in Russ.).
- Bokarev Yu. P. [Theories of modernization and economic reforms]. *Ekonomicheskie reformy: uroki istorii* [Economic reforms: history lessons]. Moscow: Institut ekonomiki RAN Publ., 2013, iss. 2, pp. 12–52. (in Russ.).
- Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015, 286 p. (in English).
- David-Fox M. Multiple Modernities versus Neo-Traditionalism. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* [Yearbooks for the history of Eastern Europe], 2006, vol. 55, no. 4, pp. 535–555. (in English).
- Eisenstadt Sh. N., Schluchter W. [Paths to early modernities a comparative view]. *Prognosis* [Prognosis], 2007, no. 2 (10), pp. 212–226. (in Russ.).
- Fedotova V. G. *Khoroshee obshchestvo* [Good society]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2005, 544 p. (in Russ.).
- Horos V. G. [In search of a clue to the past and the future (reflections in connection with the book of A. S. Akhiezer)]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1993, no. 5, pp. 99–111. (in Russ.).
- Horos V. G. *Russkaya istoriya v sravnitel'nom osveshchenii* [Russian history in comparative light]. Moscow: TsGO Publ., 1996, 171 p. (in Russ.).
- Istoriya Rossii: teoreticheskie podkhody* [History of Russia: theoretical approaches]. Moscow: IRI RAN Publ., 2013, iss. 2, 383 p. (in Russ.).
- Joas H., Knobl W. *Sotsialnaya teoriya: 20 vvodnykh lektсий* [Social theory: 20 introductory lectures]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2011, 840 p. (in Russ.).
- Kotkin S. [Stalinism as a civilization]. *Ural'skij istoricheski vestnik* [Ural Historical Journal], 2011, no. 1 (30), pp. 77–81. (in Russ.).
- Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995, 639 p. (in English).
- Krasilshchikov V. A., Gutnik V. P., Kuznetsov V. I. *Modernizatsiya: Zarubezhnyy opyt i Rossiya* [Modernization: Foreign experience and Russia]. Moscow: Infomart Publ., 1994, 115 p. (in Russ.).
- Maslovskiy M. V. [Contemporary theories of modernity and modernization]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological journal], 2008, no. 2, pp. 31–44. (in Russ.).
- Mironov B. N. [Russia and the West in the 18th and early 20th centuries: sociological images and historical reality]. *Nestor: zhurnal istorii i kultury Rossii i Vostochnoy Evropy* [Nestor: journal of history and culture of Russia and Eastern Europe]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2007, no. 11, pp. 25–48. (in Russ.).

- Mironov B. N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modern* [Russian Empire: from tradition to modernity]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2014, vol. 1, 896 p.; 2015, vol. 2, 912 p.; vol. 3, 992 p. (in Russ.).
- Mironov B. N. *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.). Genezis lichnosti, demokraticeskoy semi, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of Russia during the period of the empire (18 — early 20th century.). Genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1999, vol. 1, 549 p.; vol. 2, 567 p. (in Russ.).
- Modeli obshchestvennogo pereustroystva Rossii. XX vek* [Models of public restructuring in Russia. 20th century]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004, 608 p. (in Russ.).
- Modernizatsionnye paradigmy v ekonomicheskoy istorii Rossii: materialy Vseros. nauch. konf.* [Modernization paradigms in the economic history of Russia: materials of the All-Russian Sci. Conf.]. Saransk: ITs ISI MGU Publ., 2007, 616 p. (in Russ.).
- Modernizatsiya Rossii i Evropa: sbornik materialov* [Modernization of Russia and Europe: a collection of materials]. Rostov on Don: RGU Publ., 2005, vol. 1, 364 p.; vol. 2, 491 p.; vol. 3, 396 p. (in Russ.).
- Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia. London: Routledge, 2004, 462 p. (in English).
- Moore Jr. B. *Sotsialnye istoki diktatury i demokratii: Rol pomeshchika i krestyanina v sozdanii sovremen-nogo mira* [Social origins of dictatorship and democracy: lord and peasant in the making of the modern world]. Moscow: ID VShE Publ., 2016, 488 p. (in Russ.).
- Piirainen T. *Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures and Everyday Life*. Helsinki: University of Helsinki, 1997, 256 p. (in English).
- Poberezhnikov I. V. [Diffusion, civilization, modernization: theoretical aspects]. *Diffuziya evropeyskikh innovatsiy v Rossiyskoy imperii: materialy Vseros. nauch. konf.* [Diffusion of European innovations in the Russian Empire: proceedings of the All-Russian Sci. Conf.]. Ekaterinburg: IiA UrO RAN; BKI Publ., 2009, pp. 26–28. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Frontier modernization as a Russian civilizational phenomenon]. *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik* [Russia is reforming: yearbook]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2013, iss. 12, pp. 246–274 p. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Modernization: factors and manifestations of spatial-regional variation]. *Rol i znachenie regionalnoy istorii v sovremennoy rossiyskoy i polskoy istoriografii: materialy rossiysko-polskogo nauchnogo seminara* [The role and significance of regional history in contemporary Russian and Polish historiography: materials of the Russian-Polish scientific seminar]. Ekaterinburg: IiA UrO RAN Publ., 2010, pp. 82–101. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Theory of modernization: the main stages of evolution]. *Problemy istorii Rossii* [Problems of the history of Russia]. Ekaterinburg: NPMP “Volot” Publ., 2001, iss. 4, pp. 217–246. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. *Perekhod ot traditsionnogo k industrialnomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizatsii* [The transition from the traditional to the industrial society: the theoretical and methodological problems of modernization]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006, 240 p. (in Russ.).
- Problema modernizatsii Rossii v XIX–XX vv., teoretiko-metodologicheskiiy podkhod, issledovatel'skiy opyt* [The problem of the modernization of Russia in the 19–20 centuries, the theoretical-methodological approach, the research experience]. *Ekonomicheskaya istoriya* [Economic History], 2007, no. 5, pp. 3–23. (in Russ.).
- Reflections on Multiple Modernities. European, Chinese and Other Interpretations. Boston: Brill, 2002, 314 p. (in English).
- Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik* [Russia is reforming: yearbook]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2013, iss. 12, 528 p. (in Russ.).
- Rossiyskaya modernizatsiya: razmyshlyaya o samobytnosti* [Russian modernization: thinking about identity]. Moscow: Tri kvadrata Publ., 2008, 414 p. (in Russ.).
- Senyavskiy A. S. [The Russian historical process in the second half of the 19–20 centuries: problems of conceptual comprehension]. *Rossiya mezhdru proshlym i budushchim: istoricheskiy opyt natsionalnogo razvitiya: materialy Vseros. nauch. konf.* [Russia between the past and the future: the historical experience of national development: materials of the All-Russian Sci. Conf.]. Ekaterinburg: IiA UrO RAN Publ., 2008, pp. 594–602. (in Russ.).
- Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2015, iss. 10, 271 p. (in Russ.).
- Vinogradov A. V. *Kitayskaya model modernizatsii. Poiski novoy identichnosti* [Chinese model of modernization. The search for a new identity]. Moscow: NOFMO Publ., 2008, 363 p. (in Russ.).
- Yaponiya: opyt modernizatsii* [Japan: the experience of modernization]. Moscow: AIRO-XX1, 2011, 280 p. (in Russ.).